

кий устоять! Иногда, напротивъ, слова не добьешься: сидитъ и молчитъ, не слышитъ и не видитъ; глаза остановятся, какъ будто въ этотъ мигъ все его существованіе остановилось на одной мысли... (Молчаніе). Однако я ему ничего не скажу про свое намѣреніе, прежде чѣмъ не кончу дѣла. Буду показывать ѣздить въ домъ, а тамъ увидимъ... (Входитъ Арбеній скоро).

Владиміръ: — Бѣлинскій! что такъ задумчивъ?

Бѣлинскій: — А! здравствуй, Арбеній! Это — планы... планы...

Владиміръ: — И тебѣ судьба не отучила дѣлать планы?

Бѣлинскій: — Нѣтъ! если я твердо намѣренъ сдѣлать что-нибудь, то рѣдко мнѣ не удастся. Повѣрь, человѣкъ, который непременно хочетъ чего-нибудь, принуждаетъ судьбу сдаваться: судьба — женщина!

Владиміръ: — А я такъ часто былъ обманутъ желаніями и столько разъ раскаивался, достигнувъ цѣли, что теперь не желаю ничего; живу, какъ живется; никого не трогаю, и отъ этого все старается чѣмъ-нибудь возбудить меня, какъ-нибудь вымучить изъ меня обидное себѣ слово... И знаешь ли, это иногда меня веселитъ: я вижу людей, которые изъ жилъ тянутся, чтобы чѣмъ-нибудь сдѣлать еще несноснѣе мое существованіе!.. Неужели я такое важное лицо въ мірѣ, или милость ихъ простирается даже до самыхъ ничтожныхъ?

Бѣлинскій: — Другъ мой! ты строишь химеры въ своемъ воображеніи и даешь имъ черный цвѣтъ для большаго романтизма.

Владиміръ: — Нѣтъ! нѣтъ, говорю я тебѣ, я не созданъ для людей. Я для нихъ слишкомъ гордъ, они для меня — слишкомъ подлы.

Бѣлинскій: — Какъ? Ты не созданъ для людей? Напротивъ, ты любезенъ въ обществѣ: дамы ищутъ твоего разговора; ты любишь молодежь, и хотя иногда слишкомъ рѣзкія истины говоришь въ глаза, тебѣ все таки прощаютъ, потому что ты ихъ умно говоришь, и это какъ-то къ тебѣ идетъ.

Владиміръ (съ горькой улыбкой): — Я вижу, ты хочешь меня утѣшить?

Бѣлинскій: — Когда ты былъ у Загорскихъ? Могутъ ли тамъ тебя утѣшить?

Владиміръ: — Вчера я ихъ видѣлъ. — Странно: она меня любитъ — и не любитъ. Она со мною иногда такъ добра, такъ мила, такъ много говоритъ глаза ей, такъ много этотъ румянецъ стыдливости выражаетъ любви... а иногда, особенно на балѣ гдѣ-нибудь, она совсѣмъ другая — и я больше не вѣрю ни ей любви, ни своему счастью.

Бѣлинскій: — Она кокетка

Владиміръ: — Не вѣрю; тутъ есть тайна...

Бѣлинскій: — Поди ты къ чорту съ тайнами! Просто: когда ей весело, тогда твоя Наташа объ тебѣ и не думаетъ, а когда скучно, то она тобой забавляется — вотъ и вся тайна.

Владиміръ: — Ты это сказалъ такимъ нѣжнымъ голосомъ, какъ будто этимъ сдѣлать мнѣ великое благодѣяніе.

Бѣлинскій (покачивъ головой): — Ты не въ духѣ сегодня.

Владиміръ (вынимаетъ изорванное письмо): — Видишь?

Бѣлинскій: — Что такое?

Владиміръ: — Это письмо я писалъ къ ней. Прочи его! Вчера я прибѣжаю къ ея кузинѣ, княжнѣ Софьѣ; увидевъ минуту, когда на насъ не обращали вниманія, я умолялъ ее передать письмо Загорскиной... Она согласилась, но съ тѣмъ, чтобы прежде самой прочесть письмо... Я ей отдалъ. Она ушла въ свою комнату. Я провелъ ужасный часъ. Вдругъ княжна является, говоря, что мое письмо развеселитъ очень ея кузину и заставитъ ее смѣяться!.. Смѣяться!.. Другъ мой! я разорвалъ письмо, схватилъ шляпу и уѣхалъ.

Бѣлинскій: — Я подозреваю хитрость княжны. Загорскина не стала бы смѣяться такому письму, потому что я очень отгадываю его содержаніе... Зависть, можетъ быть и болѣе, или просто шутка...

Владиміръ: — Хитрость, хитрость! Я ее видѣлъ, провелъ съ нею почти наединѣ цѣлый вечеръ; я видѣлъ ее въ театрѣ: слезы блистали въ глазахъ ея, когда играли «Коварство и любовь» Шиллера... Неужели она равнодушно стала бы слушать рассказъ моихъ страданій? (Схватываетъ за руку Бѣлинскаго). Что, если бы я могъ прижать Наталью къ этой груди и сказать ей: — ты моя, моя навѣки!.. — Боже! Боже! я не переживу этого! (Смотритъ пристально въ глаза Бѣлинскому). Не говори ни слова, не разрушай моихъ дѣтскихъ надеждъ... только теперь не разрушай!.. а поспѣй...

Бѣлинскій: — Послѣ! (Въ сторону). Какъ? Уже ли онъ предугадываетъ судьбу свою?

Владиміръ: — О! какъ сердце умѣетъ обманывать! (Безпокойно ходитъ взадъ и впередъ).

Бѣлинскій (въ сторону): — И я долженъ буду разрушить этотъ обманъ?.. Ба! да я, кажется, начинаю подражать ему?.. Нѣтъ, это вздоръ! онъ не такъ сильно любитъ, какъ показываетъ; жизнь не романъ.

(Входитъ слуга Бѣлинскаго).

Слуга: — Дмитрій Васильевичъ! какой-то мужикъ проситъ позволенія васъ видѣть. Онъ говоритъ, что слышалъ, будто вы покупаете ихъ деревню, такъ онъ пришелъ...